
БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫЕ ЭМОТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Дун Цзюньфэй (Минск, Беларусь)

Рассматриваются безэквивалентные эмотивные глаголы русского и китайского языков, анализируются причины безэквивалентности данных глаголов и особенности их использования в двух неродственных языках. Язык является отражением национальной культуры, поэтому главная причина безэквивалентности – наличие культурных коннотаций, которые определяются психологическими, социальными и этическими особенностями социума, географическими, климатическими и биологическими особенностями, историей народа, а также религиозно-мифологическими представлениями.

Ключевые слова: эмотивные глаголы; безэквивалентная лексика; культурная коннотация; русский язык; китайский язык.

Австрийская писательница и драматург Мария Эбнер-Эшенбах писала: «Дух языка отчетливее всего выражается в непереводаемых словах» [6, с. 43], т. е. являющихся безэквивалентными, которые обладают яркой национальной спецификой и отражают национально-культурные традиции. Такая лексика уникальна и на уровне обозначаемых предметов и явлений, и на уровне культурных коннотаций. Именно она создает наибольшие трудности при коммуникации и переводе, но представляет большой интерес для исследователя. О причинах безэквивалентности размышляет и китайский лингвист Цун Япин: «... непонятнейшие (национально-специфичные) семантические компоненты этих слов зависят от разных факторов, как языковых, так и внеязыковых, поэтому лексика, характеризующая национальные тенденции, различается по отраженным в ней социальным реалиям, национальной культуре и эмоциональной значимости» [7, с. 42].

Объективные факторы формирования культуры народа и его национального мышления, которые, в свою очередь, отражаются в языке, включают в себя следующие моменты:

- 1) психологические особенности менталитета, социальные, нравственные и этические правила;
- 2) географические, климатические особенности окружающей среды, своеобразие флоры и фауны;
- 3) историю народа;
- 4) религиозные и мифологические представления.

При изучении безэквивалентной лексики зависимость от этих четырех факторов прослеживается наиболее ярко. Так, например, с этическими нормами связано восприятие глагола **тыкать** со словарным значением 'обращаться к кому-н. на «ты», а не на «вы», как полагалось бы' [5], например: *Прошу не тыкать! Не успели познакомиться, он уже мне тыкает* [4]. В Словаре русского языка С. И. Ожегова данное слово имеет пометы «просторечное», «неодобрительное», что понятно и ощущается любым

носителем русского языка. Большой китайско-русский словарь дает следующий перевод: 叫»你», 称»你» (букв. звать на ты, обращаться на ты) [1]. Несмотря на то, что в китайском языке также есть оппозиция 你 (ты) и 您 (Вы (уважительно в ед. ч.)), тем не менее сочетание знаков 叫你 (称你) не имеет отрицательной коннотации и соответственно русскому оценочно-нейтральному сочетанию «называть на ты». Поэтому при переводе данного глагола на китайский язык необходимо помнить об этикетно-культурных особенностях народа.

С китайскими этическими нормами связан глагол 作揖 в значении 'приветствовать руками, кланяться'. Малый поклон и сложение рук в особом жесте, когда одна рука охватывает сложенную в кулак другую, – это знак особого уважения в Китае. Причем это не просто поклон, а невербальное выражение своего отношения к человеку. В русской культуре нет такой реалии, соответственно данный глагол является безэквивалентным.

Подобно зеркалу, язык отражает окружающую человека действительность. Бытовые реалии со временем могут трансформироваться в национальные символы или приобрести дополнительные значения, в том числе эмотивные. Так, тофу (или доуфу 豆腐) – так называемый соевый творог, который является одним из основных продуктов китайской кухни более 2000 лет. Каким же образом в современном языке сочетание 吃豆腐 (букв. есть тофу) приобрело значения 'приставать, заигрывать, распускать руки'; 'подшучивать, подтрунивать'?

История происхождения данного выражения связана с легендой: тофу, которое не считалось изысканным лакомством, продавала очень красивая женщина, поэтому мужчины, покупая этот продукт, имели возможность приходили в лавку почти каждый день. Их главным интересом была красота женщины, и на вопрос «Куда ты идешь?» они отвечали не 买豆腐 (букв. покупать тофу), а 吃豆腐 (букв. есть тофу). Постепенно данное устойчивое выражение превратилось в глагол, используемый для обозначения приставаний и непристойных ухаживаний. Соевый сыр не является традиционной пищей русских и белорусов, даже в настоящее время большое количество людей не понимает, что это такое, поэтому неясной остается и семантика безэквивалентного глагола 吃豆腐.

О. А. Корнилов указывает, что «группа эмоционально-оценочной лексики любого языка с неясно мотивированными коннотативными значениями практически целиком может быть отнесена к лексике национально-специфической» [3, с. 242]. В полной степени это относится и к глаголам. Так, глагол **ворковать** в русском языке имеет два значения [5]: 'о голубях: издавать однообразные мягкие гортанные звуки'; 'о влюбленных: нежно разговаривать': *Около нее ходил и ворковал, точно голубь, тощий лысоватый человек в бархатном пиджаке, тоже ласковый, тихий, с приятным лицом, с детскими глазами и темной аккуратной бородкой* [4].

Первое значение в китайском языке передается звукоподражанием 咕声 (букв. делать звук гу-гу (咕咕gūgū)) и используется для передачи воркования птиц. Однако второе значение на китайский язык переводится описательно и никакого отношения к птицам не имеет: 相爱者柔情细语地交谈 (букв. (о влюбленных) нежно и шепотом разговаривать) [1]. В китайском языке глагол *ворковать* коннотативного значения не имеет, т. к. для китайца голубь – это, в первую очередь, символ мира и гармонии, а не любви. В русскоязычных культурах голуби ассоциируются и с влюбленными, поэтому этот символ часто присутствует на русских свадьбах, а влюбленных сравнивают с этими птицами: *Адольф и Луиза были везде вместе: в танцах, в играх, в прогулках трудно было различить эту пару голубков* [4].

В китайском языке имеются глаголы, связанные с непривычным для русскоговорящего восприятием животных. Так, глагол 狐媚 со значением 'завлекать, обольщать, очаровывать' буквально переводится как «подобно лисе, заискивать, льстить»: *姐姐不知道,我听丫鬟们都议论,说姐姐狐媚少爷,迷得他团团转* (букв. Сестра не знала, что я слышала, как сплетничают служанки и говорят, что сестра соблазнила молодого господина, пленила так, что он волчком вертится) [8].

В китайской и русской культурах лиса – это символ хитрости. В русских сказках лиса также предстает в женском образе, однако в китайской культуре это не просто женский образ, а очень красивый женский образ. Девятихвостая лисица (九尾狐) – это мифологический персонаж, который сегодня обозначает имя нарицательное как выражение хитрого и коварного человека. Древние китайцы верили, что девятихвостая лисица может превращаться в красивую девушку и завлекать мужчин. В современном языке красивую, но коварную женщину часто называют 狐狸精 (букв. лиса-дух). Кроме того, глагол 狐媚, в отличие от русских глаголов *завлекать, соблазнять, обольщать*, применим только к лицам женского пола.

Яркие исторические события находят свое отражение в языке. Зачастую такими событиями становятся войны. Например, партизанское и подпольное движение сыграло важную роль как в истории Беларуси и России, так и в истории Китая: в двух языках существуют слова *партизан* (游击队员) и *партизанить* (打游击). Рассмотрим значения глагола **партизанить** в двух языках. Толковый словарь С. И. Ожегова дает следующие дефиниции:

1) *разг.* 'Вести партизанскую борьбу; быть членом партизанского отряда': *Мужчины, женщины с малыми детьми и скотом ушли в лесное болото и оттуда начали партизанить* [4].

2) 'заниматься партизанством (во 2 знач.), партизанщиной (т. е. неорганизованными, нарушающими дисциплину действиями)' [5].

Третье значение – 'молчать, скрывать, хранить тайну' – в толковых словарях нами не было обнаружено. Однако такое значение существует, что подтверждает фразеологизм *молчать как партизан* в значении 'молчать,

ничего не говорить, никого не выдавать' [2], а также непосредственное использование глагола *партизанить* в значении 'молчать, скрывать' в литературе и СМИ: *Я вечером глянул на улицу. Вечером улица молчит, партизанит, скрывает секреты, шифруется* [4].

Глагол **打游击** (*партизанить*) в китайском языке имеет следующие значения [1]:

1) *прям., перен.* 'партизанить, вести партизанскую борьбу; партизанщина': *上山打游击* (букв. уйти в горы партизанить);

2) *разг.* 'перебиваться (зарабатывать на жизнь) случайными заработками'; 'не иметь постоянного места работы', например: *他现在还在打游击, 对他来说找一个很好的工作真是太难了。* (букв. В настоящее время он все еще перебивается случайными заработками, для него найти одну хорошую работу действительно очень трудно) [8].

Таким образом, прямое значение глагола *партизанить* – 'вести партизанскую борьбу' – является общим для двух языков, однако переносные значения развивались разными путями, поэтому, несмотря на общее ядерное значение, рассматривая глаголы *партизанить* и **打游击** с точки зрения эмотивности, мы относим их к безэквивалентным в обоих языках.

Религия и мифология являются неотъемлемой частью культуры любого народа, независимо от религиозных убеждений конкретного отдельного человека. Китайская культура представляет собой синкретичное сочетание трех религий – конфуцианства, даосизма и буддизма. В течение веков они смешивались и трансформировались под влиянием друг друга. При этом ни одна из данных религий не является монотеистичной, что свойственно восточно-славянской культуре. Между двумя культурами существует колоссальная разница, находящая отражение в языках.

В Словаре С. И. Ожегова значение глагола **перекрестить** дается по ссылке на глагол *крестить*:

1) у христиан: 'совершить (-шать) над кем-н. обряд (таинство) приобщения к церкви и наречения личного имени';

2) 'быть восприимчиком (крестным отцом), восприимницей (крестной матерью)';

3) только несов., кого-что. 'осенять крестным знаменем, делать молитвенный жест' – знак креста (в 3 знач.). || сов. также 'окрестить' (к 1 и 2 знач.) и '**перекрестить**' (к 3 знач.) [5].

В христианской культуре молитвенный жест креста, начерченный в воздухе – это символ благословения, пожелание Божьей защиты. При этом для носителя христианской культуры фраза *Мать поцеловала и перекрестила сына* будет абсолютно понятной, законченной и не требующей дополнительных разъяснений. Однако при переводе на китайский язык для передачи значения одного русского глагола необходимо значительно большее количество знаков: *母亲吻了儿子并画十字为他祝福。* (букв.

Мать поцеловала сына и перекрестила (нарисовала крест), чтобы пожелать ему счастья).

Как китаец не может в одночасье проникнуть в глубины христианской культуры, так и русскоговорящий не сразу поймет китайский натурализм. Большое количество фразеологизмов связано не просто с частями тела (в русском языке также присутствует большое количество такого рода номинативных единиц), а с внутренними органами – селезенкой, печенью, легкими, желчным пузырем и т. д. Для примера приведем следующие глаголы: *肠断* (букв. кишки разрываются в значении 'очень страдать, 'душа / сердце разрывается'), *洗胃* (букв. промывать желудок, в значении 'начинать новую жизнь'), *丧胆* (букв. утратить желчный пузырь, 'струсить'), *壮胆* (букв. здоровый, крепкий желчный пузырь, 'подбадривать, храбриться'). Строение внутренних органов, их связь с акупунктурными точками были известны в китайской медицине с древности, во многом благодаря даосским практикам. В России крестьяне относились к медицине скорее с недоверием: *Не жива та душа, что по лекарям пошла*. Религиозные догмы не позволяли проводить вскрытия и поэтому знания об анатомии человека в основном строились на аналогии со строением животных. Поэтому в русских устойчивых сочетаниях и обращениях в основном фигурируют слова *душа* и *сердце*.

Таким образом, нами были рассмотрены безэквивалентные эмотивные глаголы в русском и китайском языках, имеющие культурные коннотации. Развитие культурных коннотаций и, как следствие, безэквивалентной лексики связано с наличием таких факторов, как социально-психологические, природные, исторические и мифолого-религиозные особенности жизни народа. Поэтому овладение языком подразумевает изучение всего комплекса элементов национальной культуры. Безэквивалентная лексика и, в частности, безэквивалентные эмотивные глаголы являются наиболее специфичным способом отражения национальной культуры. Мотивированность таких знаков и их зависимость от четырех выделенных нами объективных факторов прослеживается наиболее ярко. Можно сделать вывод о том, что при общении и переводе безэквивалентные эмотивные глаголы представляют наибольшую трудность, поэтому их изучение и сопоставительный анализ имеют важное теоретическое и прикладное значение.

Библиографический список

1. БКРС [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bkrs.info>. – Дата доступа: 25.08.2021.
2. Белянин, В. П. Живая речь. Словарь разговорных выражений / В. П. Белянин, И. А. Бутенко. – М. : ПАИМС, 1994. – 345 с.
3. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003. – 347 с.
4. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <https://ruscorp.org.ru/new/search-main.html>. – Дата доступа: 22.08.2021.

5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., М., 1997. – 944 с.
6. Основы перевода : учебное пособие / под ред. У. М. Бахтикиреева [и др]. – Минск : Вышэйш. шк., 2019. – 111 с.
7. Цун, Я. О лексике, отражающей национальную культуру в русском и китайском языках / Я. Цун // Рус. яз. за рубежом. – 2003. – № 4. – С. 41–44.
8. CCL现代汉语语料库. Корпус современного китайского языка. – Режим доступа: <http://ccl.pku.edu.cn.html>. – Дата доступа: 22.06.2021.

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ СМИ В ГРЕЦИИ В XXI ВЕКЕ

М. А. Ермошина (Пермь, Россия)

Иммигрантские СМИ играют важную роль в этноконфессиональных отношениях, способствуют укреплению межнациональных связей, поддержке толерантности, укреплению интереса к языку, на котором печатается издание и т. д. Русский язык в Греции по популярности среди изучаемых иностранных языков занимает второе место. Однако за последние 10 лет положение и роль русскоязычных СМИ в Греции изменились. В статье анализируется судьба данных СМИ, отмечаются проблемы, делается вывод о смещении читательских интересов в пользу электронных изданий и социальных медиаплатформ.

Ключевые слова: русский язык за рубежом; средства массовой коммуникации; языковая политика; коммодификация.

Представленность русского языка за рубежом является важным показателем внешней политики. В 2020 году эксперты Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (г. Москва) провели исследование, посвященное выявлению глобальной конкурентоспособности русского языка [1]. Впервые сбор данных был проведен по наиболее значимым параметрам, отражающим положение языка в мире. Наряду с такими параметрами, как численность говорящих на языке, статус языка в международных организациях, объем научной информации на языке, численность пользователей Интернета, количество ресурсов на языке, учитывалось и количество СМИ на языке. Будучи межкультурным, политическим, экономическим посредником, иммигрантские СМИ оказываются «важным инструментом формирования позитивного образа современной России» [2].

Обращаясь к проблеме представленности русскоязычных (в основном, печатных) СМИ в Греции, мы стремились отобразить общую проблему функционирования иммигрантских СМИ, обсудить вопрос, поддерживаются ли они принимающей стороной и в рамках языковой политики РФ, есть ли в этом необходимость.

Современная ситуация с представленностью русского языка в Греции связана, с нашей точки зрения, с явлением так называемой коммодификации языка, то есть процессом превращения языка в рыночный товар, в ценный коммуникативный и экономический ресурс [3]. Мы можем проследить это и по сдвигу, например, в сфере образования: в Греции в большей степени